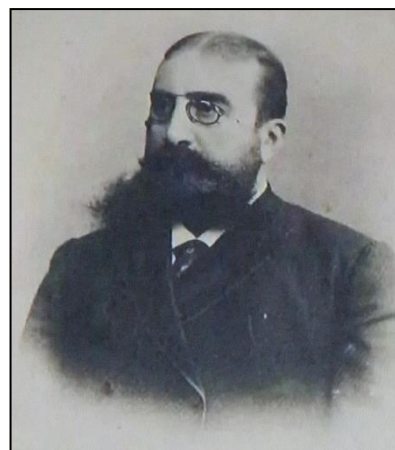


Калмыкиана. В. И. Немирович-Данченко и калмыки

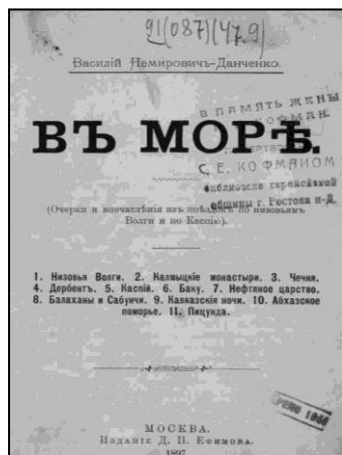
Василий Иванович Немирович-Данченко (1845 – 1936) – русский писатель, путешественник и журналист, старший брат известного театрального деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко. В отличие от своего брата, Василий Иванович не принял революции и в 1921 году эмигрировал. В. И. Немирович-Данченко – незаурядная личность в русской литературе. Начал печататься с конца 1860-х. За весь период творческой деятельности было опубликовано более 60-ти томов его произведений.



Многие из его книг – это записи наблюдений, которые автор вел во время своих многолетних путешествий по России и другим странам на разных континентах, они познавательны как художественно-этнографические путевые заметки и представляют интерес для этнографов и краеведов. Это такие издания, как «Даль» – поездка по югу, «В гостях» – поездка по Кавказу, «Крестьянское царство» – описание своеобразного быта Валаама, «Кама и Урал», «По Германии и Голландии», «Очерки Испании» и др. Во всех этих очерках он предстает увлекательным рассказчиком, дающим блестящие описания природы и яркие характеристики нравов.

Многие из его очерков посвящены югу России. Он привлекал В. И. Немирович-Данченко многообразием проживающих народов, нравы и быт которых стали объектом пристального изучения путешественника и регулярно публиковались на страницах печати либо выходили отдельным изданием.

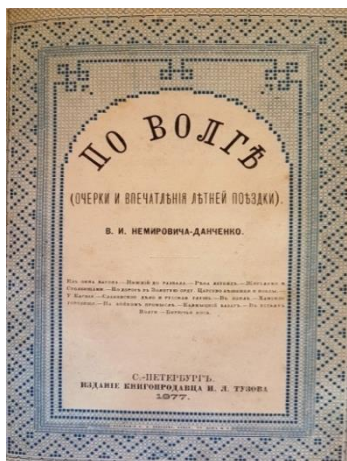
В 1897 году в Москве вышла книга В. И. Немирович-Данченко «В море» (очерки и впечатления из поездок по низовьям Волги и по Каспию), книга включает главы: «Низовья Волги», «Чечня», «Дербент» и другие, одна из глав называется «Калмыцкие монастыри». Впервые калмыцкие читатели познакомились с отрывками из книги В. И. Немирович-Данченко «У голубого моря» (люди и природа в низовьях Волги) после публикации сборника известного



калмыцкого краеведа И. В. Борисенко «Времен связующая нить» (Элиста, 1984).

Представляем вашему вниманию книгу о путешествии по Волге, которую В. И. Немирович-Данченко совершил от Нижнего Новгорода до Астрахани весной 1876 г. Первое издание В. И. Немировича-Данченко «По Волге» (очерки и впечатления летней поездки) вышло в 1877 году (Санкт-Петербург, издание книгопродавца И. Л. Тузова). В 2008 году Государственной исторической

библиотекой России книга «По Волге» переиздана. Электронная версия книги доступна пользователям ИНТЕРНЕТА.



Путевые заметки писателя о жизни российской глубинки, которых кормит Волга дополняют много интересного, что ускользало от взоров его предшественников. В. И. Немирович-Данченко начинает с описания местности и ее природы: «...За Каменным яром удивительно хороши волошки волжские, мелкие; между лесистыми островами затерялись они. <...> Идешь все островами, и потому кругом зелень и зелень расстилается. Иногда за лесом – село казачье, а за ним вдруг блеснет степь песчаная, и чудятся по ней ставки да улусы кочевников, с их полудикою жизнью, вольнолюбивыми табунами... Так и тянет, так и зовет туда. Настоящий берег Волги здесь безлюден. Все по островам ютится. Тут и зимовейные плетневые избушки, куда в холод скот загоняют, тут и из ивняка, кое-как сложенное, становище рыболовов, тут, пожалуй, и ставка калмыцкая... А по затончикам, малым волошкам в брод идут калмычата с бреднями, рыбу, как есть, вычерпывают...».

Для калмыцких читателей и краеведов книга интересна тем, что путешественник не обошел вниманием жизнь волжских калмыков, которые вместе с другими народами проживали на великой русской реке.

Один из разделов книги называется «**Калмыцкий базар**», куда вошли девять глав. В. И. Немирович-Данченко предпринял попытку сделать исторический экскурс, что стало причиной появления калмыков на территории Российской империи в главе:

«Как Москва распорядилась с калмыками. Пьявки калмыцкого народа»

Некогда на севере Китайской империи кочевали ойраты, занимая Чжунгарги, или Зюнгарию. Ойраты, по словам г. Костенко, собственно, было имя общего союза, состоявшего из племен монгольских: чорос, хойт и хошот. Потом к ним примкнули торгоуты, образовав дербен-ойратов (четырёхсоюзе). Образовавшийся таким образом народ был очень воинствен. Предводимые тайшами и нойонами, ойраты наводили ужас на Китай. Самый союз был прочен до тех пор, пока тайша Хара-Хула, желая еще крепче сплотить калмыков, не стал ковать их в одно целое, по системе Иоанна Грозного. Некоторые улусы, не желая повиноваться этому калмыцкому тирану, снялись с насиженных мест и пошли куда глаза глядят, стирая на пути все живое и оставляя за собою – пустыню. Так, Хо-Урлюк с торгоутовцами двинулся на север лет двести пятьдесят назад тому и разбросил свои кочевья по берегам Оби, Иртыша и Тобола. Еще ранее ойраты и даже сам деспотический Хара-Хула, через послов, просили русских взять их под свою руку и звали к себе русских купцов для торговли. Торгоутовцам не повезло на новых местах. Тайши монгольские

XI		Стр.
XIII.	Пейри тайшского провоза.	301
XIV.	Бой тайши на островах и гонимые с острова.	302
XV.	На ладьях.	304
XVI.	В тайшском лагере.—Калмыцкая ночь.	306
12. Калмыцкий базар:		
I.	Тайшский лагерь.	309
II.	Как Москва распорядилась с калмыками.	311
III.	Пьявки калмыцкого народа.	313
IV.	Калмыцкая степь.	315
V.	Степь.—Степной пожар.—Мочалы.—Шуршалы.	317
VI.	Мы в роли калмыков.	319
VII.	В калмыцком лагере.—Кочевья калмыков.	321
VIII.	Калмыцкая привада.—Пир у лавы.—История в лавке.—Этикет.—Калмыцкая обстановка.	323
IX.	Калмыцкое Гостаро и Ахаласа.	325
13. Вь устьях Волги:		
I.	Петроль от морской болоти.—Дельта Волги.—Скученное.	327
II.	Холмы и лавы.—Картки устья Волги.	329
III.	Три колоса рыболовства.	331
14. Беречья ночь:		
I.	Калмыцкая ночь.—Мы у пристани.—Беречья ночь.	333
II.	Пустыня, окаянная ночь.—Чужие мислы.—Отвечный зык.	335
III.	Беречья калмыцкая.—Шола и его предание.—Маленькая Океановка на Каспий.	337
IV.	Знакомый персидский бей.—Брось, бейца в воду!—Облава-рыболов.—Поселение Калмыцкая ночь.	339

теснили с юга прежних своих подданных, с другой стороны на них накидывались киргизы, кайсаки, назвавшие ойратов калмак, калмыклык — отсталыми, отделившимися. Ойратам, или элетам (недовольным) пришлось искать другого убежища. Степь между Уралом, Волгой и Доном была тогда безлюдной вполне. В эту-то зеленую пустыню и перекочевал Хо-Урлюк в 1628 г. 50.000 кибиток разбросались сначала между Эмбой и Уралом, а потом часть их перевалила на привольное Приволжье, а сам начальник племени раскинул свою ставку у р. Ахтубы. Мы не могли положить предела такому захвату. Русь на Волге, а тем более на Урале, тогда была бессильна. Пришлось согласиться на такое переселение, в надежде, что калмыки защитят наши южные границы от вторжения диких орд из глубины Азии. Но ойраты скоро показали, на что Россия может рассчитывать. Они опрокинулись на наши пограничные поселки, опустошали села, разоряли города, уводили в плен всех, кто попался под руку. Привелось самим защищаться от таких союзников, и против элетов было послано войско. Тайша Шукюр-Дайчин, разбитый им, клялся грабежей более не чинить, а сын его тайша Пунцук присягнул на верное подданство России, причем лизал свой нож и к горлу прикладывал, призывая за нарушение присяги Божий на себя и на свое племя гнев и огненный меч. Лизание ножа, впрочем, не помогло, и после новых грабежей правительству пришлось требовать подтверждения прежней присяги. До сих пор калмыки сами свободно выбирали своих ханов или их назначал далай-лама, но, ловко воспользовавшись распрями и несогласиями по этому предмету, Россия лишила калмыков выборного начала и сама силою оружия стала сажать им ханов. Власти старого покроя оставались верны в своей ненависти к вечу, где бы оно ни являлось — в Господине Великом Новеграде или кочевьях убогих инородцев. Везде они работали ради централизации. Везде Москва, следуя примеру Иоанна Калиты, как ловкий мироед, прибирала к рукам, скопидомничала и хозяйски распоряжалась, не терпя иной власти и иного разума кроме своего. Тем не менее, приволья нетронутых пустынь были так заманчивы, что не только ойраты не откочевывали обратно, но, напротив, к ним из Чжунгарги переселилось еще 30.000 кибиток. До 1765 года жили они по-прежнему на нашей земле, считаясь номинально русскими подданными и равнодушно терпя навязанных им ханов. Но Россия не могла остановиться на полпути к раз поставленной себе государственной задаче. Она медленно, но верно шла вперед шаг за шагом, прибирая в свою калиту одно за другим права полудиких народов и племен, подчинившихся ее власти. Помимо стеснения калмыков в их прежних обычаях, стали водворять казачьи станицы на Волге, увеличивать русское население в крае, заводить военные линии по Волге, Уралу, Самаре и Тереку. А тут еще ловкие люди под руками слух пустили, что хотят земли отнять у калмыков, а их самих принудить к оседлой жизни. Между ойратами явились претенденты на ханское достоинство. Завладеть им в России невозможно. Стали подбивать кочевников выбраться из наших пределов, чтобы на свободе забрать народную власть в свои руки. Духовенство, т.е. гелюнги, помогало этим авантюристам, в надежде на великие и богатые милости будущих ханов, и скоро по всему степному простору пошло смятение, а один из нойонов даже донес

русскому правительству о том, что постепенно везде готовится к бегству вольнолюбивое племя калмыцкое. Власти как-то промахнулись и мер не приняли, и в 1771 г. луговые ойраты сняли кибитки и перекочевали за Урал к китайским пределам. Этим воспользовались киргизы и у несчастных отбили скот. В Зюнгарию не пришло даже пятой части эмигрантов. Четыре пятых погибло в дороге от бескормицы и лишений, убито врагами ойратов и другими хищниками степными, пало от истощения, наконец, порублено своими в усобицах. Целые роды – погибли. Калмыцкие песни и сказания говорят, что были долины, сравнявшиеся с вершинами гор от множества костей их народа!.. Разумеется, под этим преувеличением есть и частица истины. Женщины до места почти вовсе не добрались, дети – тоже. Приплоду не было, и калмыки стали вымирать с ужасающей быстротой. В Зюнгарии обетованной земли не нашли странники. Пришлось пожалеть о Хананее. Чжунгарги, как оказалось, была уже захвачена китайцами, которые распределили беглецов по разным местам Илийской области. Калмыки, пробовавшие было перебраться куда-нибудь подальше, сжигались живьем, размалывались между жерновами и, в случае величайшей богдыханской милости, обезглавливались. Живых пилили на несколько частей, мертвых выставляли на позорище. Варварства китайцев оказывались достойными современных турок. Они вшивали живых детей в недра их матерей и выпарывали оттуда еще не родившихся младенцев, кидая их голодным собакам. Калмыки подчинились и смиренно сели в отведенных им кантонах. В России осталось только 13.000 кибиток, которые не успели или не могли перекочевать через не замерзавшее в тот год низовье Волги. Разумеется, тогдашние администраторы воспользовались случаем сейчас же применить к делу теории бараньих рогов, ежовых рукавиц и других прелестей, от которых не было спасения даже в той сказочной стране, куда Макар не гонял своих телят. Ханы и наместники, как тень прежней самостоятельности, автономии, были уничтожены. Оставшиеся калмыки были разделены между наличными нойонами. Дележка производилась так, что за одну голову баранью чиновники отдавали десять голов калмыцких, а за конскую башку и вся полсотня живого товара шла. Вообще, «приведение в порядок» производилось по всем правилам старого административного искусства, причем урезание языка и ноздрей, батоги и прочие прелести были расточаемы с истинно валтасаровскою щедростью. Нойоны явились вернейшими исполнителями «попечений» центральной власти и, в свою очередь, стали так распоряжаться, что по улусам только стон пошел ...

В. И. Немирович-Данченко подробно описывает сословные и семейно-родовые отношения, проникается глубоким сочувствием к нелегкой жизни беднейших слоев населения в главе:

Калмыки теперь

Смелые и вольнолюбивые калмыки обратились в жалких париев, обобранных нойонами, ограбленных гелюंगाи и раздавленных, насколько это возможно, русскими властями. Тип калмыка теперь – это общий тип приниженного раба. Говоря с вами, он робко опускает глаза, ежится как-то, словно старается и ростом стать ниже вас. Он как бы постоянно чувствует себя

виноватым, воплощая в себе, таким образом, излюбленный щедринскими администраторами тип благонамеренного гражданина. Отвечает он вам короткими «да» и «нет», в более подробные рассказы не пустится ни за что. На всякого русского смотрит как на власть, и какой-нибудь плутоватый мешанинишко покрикивает на него, точно на своего подневольного холопа. Понятно, что такие отношения создали и экономическое рабство. Калмыков не обижают только ленивые. Его душат сверху, оглушают справа и слева, расставляют капканы снизу, спереди ему рожон ставят, а из зади затрещинами кормят. Как он еще цел при всем этом, один Господь всемогущий ведает. Их стародавнее начальство... Но об астраханских начальствах я вообще молчу. Дело в том, что власти этой полувосточной губернии стяжали великую славу на судах, преследуя всех, кто имеет дерзость иметь о них свое убеждение. Скажу только, что теперь калмык может быть синонимом человека голодного, забитого, растерянного до того, что к самой земле он чувствует великую признательность за то, что она одна не разверзается и не поглощает его, несчастного раба и нищего. Ни стад у него не осталось, ни богатства прежнего. Счастлив еще тот, кто в батраки к астраханским хозяевам попадет, хоть сыт будет, а остальные сидят в своих кибитках да уныло друг на друга посматривают... Голодно! зарезали бы баранов – но у них только шерсть и кожа остались...

Скверно, жутко... – Чего ты все боишься, – допрашивался я потом на Бирючьей косе у одного калмыка поразвитее.

– Как нам не бояться, нельзя... Везде начальство сидит... Куда ни оглянешься, глянь сторожат тебя

Таким образом, несчастные и пребывают в состоянии злополучного зайца, со всех сторон окруженного обозленными псами. Звери заливаются, чуть не обрывая своры, руки опытных охотников едва удерживают остервенелые стаи, а несчастный заяц, прикурнув за кочкой, замер и каждую минуту умирает от ужаса. И это называют жизнью! Недостает только, чтобы какой-нибудь романтик старой школы пришел в восхищение от привольной жизни этих счастливых номадов и посвятил им целый роман во вкусе Густава Эмара!.. А между тем калмыки племя преспособное, умное. Калмыцкие мальчики далеко не последними выходят из местных школ.

Каждая группа близких родственников составляет хотон. Это у калмыков – административная ячейка. Более близкие хотоны образуют аймак, несколько аймаков сливаются в анги – роды, а эти, в свою очередь, группируются в улусы, которых считается семь: Хошоутовский, Яндыховский, Харахусо-Эрдениевский, Малодербетевский, Икицохуровский, Багацокуровский, Эркетеневский. Вне пределов Астраханской губернии, по выражению одного из прежних администраторов, «водятся» еще калмыки: большедербетовские, бозовые, или казаки, и моздокские. Управляются калмыки попечителями, на выбор которых только в последнее время обращено более строгое внимание. Прежде же должность эта считалась родом ссылки для ненадежных чиновников. У калмыков есть свое дворянство – нойоны. Теперь они пользуются только сбором албана, т.е. по 7 р. 14 к. с каждой кибитки в свою пользу. Этот громадный для кочевника и во

всяком случае несправедливый налог давно бы следовало отменить. Теперь и всех-то нойонов оказывается 41, считая в том числе и женщин, а всех кибиток 17.560, которые им выплачивают более 150.000 руб. – где же тут логика? И за какие такие добродетели в пользу этих нойонов сохранилась подать, в сущности являющаяся оброчным видом крепостной зависимости? Нойоны – дворяне. Один из них, некий Дондуков, по принятии крещения получил даже княжеский титул и могилевских крестьян, вместо своих калмыков. За нойонами следуют зайсанги аймачные и безаймачные. Первые, по словам г. Костенко, управляют наследственными аймаками, по праву первородства, и пользуются правами потомственных почетных граждан, вторые, не управляющие аймаками, – личные граждане. За зайсангами идет обнищавшее крестьянство калмыцкое, то самое, в которое впились все остальные сословия, и главным образом духовенство: бахши, гелюнги, манжики – представители ламаитского культа секты желтошапошников, основанной в конце XIV столетия в Тибете. В настоящее время под кочевья калмыцкие оставлено громадное пространство степей в 7.732.451 десятина, из коих десятая часть на луговой стороне Волги, т.е. на левом ее берегу, а 9/10 на нагорной. Из этого пространства исключаются соленые озера, леса и рыбные ловли. Все остальное в общем пользовании калмыков. Соляные озера и другие поименованные уголья находятся в частном пользовании.

Путешественника поразили просторы и суровый климат калмыцкой степи, в которых приспособились жить и вести хозяйство трудолюбивые и выносливые калмыки:

Калмыцкая земля

– Много у вас земли!

– Что ж с того. Да деваться некуда. Луг есть – а стада нет. Сам травой кормиться не станешь. Вот на что лучше земля, как Эргени (Высокая степь), а что толку. Народ все беден, ничего у него нет. Как еще живем, не поколели – тому дивиться надо.

– Куда же скот девался?

– Который нойон взял, который чиновник съел – давно это было, теперь скотом не берут! А который скот просто от язвы упал. Да и земля у нас какая. Это лето хорошее, трава – что лес, а на другое засуха – ни одной былинки.

– Это верно, – пояснил русский, – он хороший калмык, обстоятельный, ловкий, не лопоух, а что птичка – на всякое дело ловок; а и у него двух баранов не насчитаешь. На работу – горазд, а в кибитке все пусто...

Эргени, о которых говорил калмык, представляются спусками с террас Донской равнины в низменную Калмыцкую степень. Они тянутся более чем на 300 верст от правого берега Волги, близь колонии Сарепта, до Манычской долины. Это лучшая часть калмыцких владений. Все эргени состоят из небольших возвышений главного хребта, разбрасывающего к востоку и западу отроги, между которыми глубоко залегают балки и овраги, богатые родниковыми водами. Воды эти наполняют котловины, образуя озера Сарпинские и другие на восток от главного хребта, а на запад они в виде притоков вливаются в Дон (Донская Царица, Аксай, Сал и проч.). Большинство речек только весною стоят этого

имени. Они постоянно изменяют свое течение и летом являются только озерками или болотистыми просочинами с горько-соленой водой.

– Тут и наши калмыки хлеб сеют.

– Малость только самую.

– Не свычное дело – потому. И то больше работают, если их русские наймут, тогда хорошо обходятся с землей. Честно, рук не жалеют. Ну а для себя плохо. Сеют рожь, пшеницу – яровую.

– Что уж и за степь! Озимую пшеницу побьет морозом в зиму. У нас все зимы – снегу нет или мало его... Гречиха выгорает, ну а на лен и конопель угодий настоящих нет. Тоже и табак калмыки в эргенях сеют, в Сарепту посылают, ну и сами пользуются.

– Главный промысел их – горчица. На один пуд посева полтора пудов горчицы урожаю. Калмыки ее продают в Сарепту.

– Значит, эти калмыки совершенно оседлы?

– Безусловно. В балках лен, коноплю разводят, более всего горчицы. Калмыки мастера возделывать землю. Но горчица их особенно ценится по своим достоинствам.

– Да ведь все же, верно, мало высевают ее?

– Однако! тысяч шестьдесят пудов снимают ежегодно.

Рассказывают, что калмыки на эргенях владеют каменоломнями. Потом уже я узнал, что эти богатые уголья они отдают в аренду русским, а сами нанимаются к ним в работники! Хороша логика...

Степь. – Степной пожар. – Мочаги. – Шурганы

Эргени – лучшая часть калмыцких земель. Уже несколько похуже степи, тянущиеся от Эргеней и правого берега реки Волги до Мочагов, как называется северо-западное каспийское поморье. Пространство это занимает ни более ни менее как 5.000.000 десятин! Но увлекаться громадностью цифр тут нечего. Когда-то эта низменность составляла дно моря. По исследованиям Барбота де Морни, обсохла она в весьма поздний геологический период, отчего здесь преобладают солончаки. Соляные озера и грязные соляные болота встречаются на каждой версте. По сообщению г. Костенко, калмыцкая степь эта покрыта исключительно полынью. Только на редких возвышенностях растительность становится несколько лучше. В низинах же, насыщенных солью, и полыни мало. Засухи так часты, зной так силен, что остатки старых растений вместо того, чтобы перегнивать, сжигаются солнцем, высыхают, рассыпаются тонкою пылью, которую ветер разносит во все стороны, так что слой собственно «растительной земли» тут очень тонок.

Красно-желтые степи... Нет им конца и краю... Тянутся они перед вами и за вами... Кое-где пучки полыни серебрятся, склоняясь по ветру, да сухие былинки стелются нисколько не разнообразя мрачное уныние этого южного пейзажа. В безоблачных небесах черными точками повисли орлы... Буровато-серою тучей клубится глинистый песок там, где ветер свевает гребни рассыпчатых бугров... Ближе и ближе эта туча... Скоро и солнца не видать под нею... Она слепит вам глаза, забивается в уши, в глаза лезет. Ни дышать, ни рта раскрыть нельзя.

Стремглав несетесь все вперед, не зная куда деваться... А выберетесь на чистый простор, и опять знойное небо вверху и та же красно-желтая степь внизу... Без конца, без краю! На озеро наткнетесь – другая беда. Ни освежиться купаньем, ни напиться нельзя. Соль! Да кроме того, камыш и чакан такой щетиной стали по берегу, что, пожалуй, и до воды не добратесь. Только кабану и вод в этой чаще. Тем не менее, и этим дорожат убогие калмыки. Поблизости раскидывают они ставки. В некоторых пресных озерах ловится щука, окунь, линь, карась и красноперка. И рады бы вылавливать рыбу, да нельзя! Все такие природные садки отдаются в оброчное содержание, причем аренда назначается в общий калмыцкий капитал. Так, по крайней мере, было еще недавно. А какое употребление из этого капитала тогда делалось – кому это известно? Во всяком случае – не калмыкам. По степи разбросаны худуки – искусственно вырытые ямы, в которых скопится почвенная вода. Часто это густая масса, стоялая, вонючая, но инородцы и тем счастливы. Благо хоть и это есть!.. Худуки – группами. Группа от группы обыкновенно на 15—20 верст, и только в южной части степи на 70 верст. Осенью еще хуже. До худука кочевник и не доходит. Зачем? В лужах довольно дождевой воды, хотя в ней гораздо больше всяких органических остатков, чем влаги.

Там, где побольше растительности, но все же сухой – часто случаются страшные степные пожары. От малейшей искры сухая зелень вспыхивает как порох. Сильный ветер жарко раздувает пламя... Издали пожар кажется звездой, разгорающейся все ярче и ярче. Вот звезда обратилась в полоску огнистую... Все шире и шире расплзается она на горизонте... Вихрь разбрасывает пламя по сторонам. Линия пожара растет на глазах. Огонь уже бурным потоком бежит по степи, отбрасывая назад, словно косматое знамя, черную тучу смрадного дыма. Глинистый бугор на дороге – не остановить ему потока. Пламя обвило его змеей – и спустя минуту уже далеко оставило за собою жалкое препятствие... Балка тянется – ветер перебросит огнистые языки через балку, и пожар с несокрушимой силой, ярко, остервенело несется все дальше и дальше. Все живое гибнет. Птица ли в дым попадет – и, задохнувшись, падает в огонь. Жалкие деревья на пути – еще пожар далеко, а пламенное дыхание его уже пепелит листву... С громким жалобным треском щелится кора, а набегит огонь – от дерева только один пень обугленный остается посреди такой же черной обугленной степи. Случись это ночью – все небо горит заревом. Точно вы перенесены на Дальний Север, точно вверху, в недостижимых высях, разыгрался над вами сполох, каждый миг передвигая свои огневые пятна, все дальше и дальше разбрасывая свои лучистые снопы, все мрачнее и грознее охватывая небо своими пламенными объятиями...

Мочаги – это языки песка, вдавшиеся в Каспийское море. Все это побережье – в ильменах и лиманах. Здесь селятся беднейшие инородцы, промышляющие морским рыболовством. От того и произошло название мочагов, т.е. постной земли (моцак по калмыцки – пост). Здесь при северных ветрах (верховых, выгонных) вода делается соленой, потому что насыщается солью с бугров, а при южных ветрах (нагонных), морях, прилив морской воды, удерживая волжскую на известном уровне, наполняет все заливы пресною водою. Ильмени, поросшие камышом, называются чернями. Здесь калмыки спасаются от

зимних вьюг и мятелей, ужасных в полном смысле слова посреди открытой степи. Степные бури с мятьею в это время года называются шурганами. Вот что говорит о них очевидец: бывали случаи, когда скотовод, насчитывавший у себя в стадах десятки тысяч голов, становился на другой день после налетевшего шургана – совершенно нищим – парией. Шурганы до того стремительны, что крупный рогатый скот и лошади не могут устоять против его напора, гонятся им до изнеможения и наконец погибают целыми табунами.

Мне показывали в Енотаевске калмыка, еще недавно бывшего богачом. Теперь – он живет милостыней, потеряв в одну ночь около двух тысяч голов скота. Все уничтожил нежданно налетевший шурган, в котором между прочим погибли жена и трое детей несчастного.

Для человека другой культуры и веры многое в диковинку, автор описывает службу в калмыцком хуруле в главе:

В калмыцком храме. Богослужение гелюнгов

... Калмыцкий базар – какое-то месиво из кибиток и деревянных домов. Зажиточные калмыки и их монахи живут в домах зимою, а в кибитках летом, остальное население вовсе не выходит из кибиток. По описанию Калмыцкого базара нельзя вообще заключать об общем положении этих кочевников...

– Вот и капище ихнее.

Входим; внутри прежде всего пестрота и яркость поражают нас. На высоких древках развешаны писанные на шелку тибетские образа со всевозможными уродами, у алтаря оригинальные и вычурные сосуды, в которых курятся какие-то странные, непривычные ароматы. В других серебряных чашечках – желтые ароматические жидкости и аршан, видимо, в качестве жертвы принесены бурханам. Посередине в два ряда лицом друг к другу сидят на корточках жрецы – гелюнги. Трое с одной стороны, пятеро с другой. На всех красные или желтые шелковые халаты. На одном, сверх того, плащ из полосатой шелковой материи; на голове главного жреца картонный кокошник, род митры, с изображением тех же многоногих паукообразных бурханов. Голубой плащ копром торчит на плечах, под ним желтая рубаха, а из под нее видна розовая юпка... У каждого в руках или на ковре перед ним какой-либо музыкальный инструмент. Перед митроносцем серебряные колокольчики, хонко и труба из человеческой кости, обделанная в серебро и перевязанная человеческими же волосами, у остальных с той же стороны барабаны – кенгарги. У первого с другой стороны литавры – цанг, у следующего небольшой с широким раструбом рожок – бишкыр, у третьего тот же кенгарги, у четвертого и пятого – бюра, длинные громадные коленчатые трубы, аршина в три, из меди. Сверх того в храме были дунг – большие морские раковины, оправленные в серебро, серебряные и медные бубны. Я еще забыл сказать, что у главного ламы под кокошником был громадный парик из конских волос, на который пошло, я полагаю, не менее дюжины лошадиных хвостов.

Перед алтарем с бурханами, между которыми выделялся Будда Шакъямуни, вылитый из какого-то желтого металла, близкого к золоту, горели многочисленные пахучие тибетские свечи; легкий ветерок врвался в открытые

окна храма и слегка шевелил иконы с изображениями Дарке, матери Шакъямуни, и другие шелковые образа, доставленные сюда из Урги; откуда также доставляются и священные книги калмыков, находившиеся в углу на этажерке. У самого храма снаружи и внутри его постоянно вертелись молитвенные барабаны. На них изображены молитвы, внутри тоже барабан набит ими. Барабан – на оси, которая приводится в движение ремешком; другой конец ремешка – в руках у гелюнга. К некоторым барабанам приделано сверху нечто вроде крыльев у мельницы. Вертится барабан – вращаются и крылья, а на каждом крыле опять молитва написана. Таким образом в течение часу на обоих барабанах повернется бесчисленное количество молитв, что равно их прочтению перед бурханами....

Тибетские книги – длинные полосы лакированной бумаги, написанной разноцветными красками с священными изображениями бурханов. Они связаны в отдельные пучки, и каждый пучок завернут в несколько шелковых материй, непременно разных колеров...

Я только что выбрался было на улицу – осмотреть храм снаружи, как оттуда послышался оглушительный рев труб. С чем сравнить его? Представьте себе, если бы тысяча быков заорала разом – в один голос, эффект был бы едва ли поразительней! Пришлось скорее вернуться. Трубы смолкли. Послышался меланхолический напев. Все жрецы печально, но согласно мурлыкали себе под нос, то слегка возвышая, то понижая голос. Пение это не лишено некоторой, совершенно оригинальной приятности. Бакши дал сигнал литаврами, и первый сряду человек давай позванивать серебряными колокольцами. Тихо разгорался напев, не становясь громким, в такт жрецы похлопывали в кенгарги, в горле у одного певца точно ручей переливался с камешка на камешек и булькал. В определенные моменты строфа от строфы стройно отделялась звоном литавр. С унылым напевом сливается жужжанье быстро вращаемых молитвенных барабанов... Но вот к хору присоединился рожок... Все резче и резче трубит он, какой-то гелюнг заорал в раковину, оправленную серебром. Голоса певцов сообразно этому росли и росли. Рожки и раковины не умолкают, напротив, лица музыкантов делаются краснее и краснее, видимо, напрягают грудь до изнеможения, наконец в хор врывается рев тысячи быков, т.е. оглушительное оранье громадных медных труб... Только что все готовятся уйти от этого страшного рева, как вдруг гаснут трубы, за ними умолкают рожки и раковины, тише и тише становятся литавры, и опять тихий меланхолический напев, опять нервное, порывистое тюлюканье серебряных колокольчиков и, словно принижающийся, звон литавр. Наконец и литавр не слышно, и колокольчики меркнут, и только жужжание барабанов да унылый сонный напев гелюнгов сквозь окно храма разносится в зеленую степь...

Удивительное впечатление это богослужение должно производить на инородцев в пустынях и степях Азии... Тихим вечером, когда синие сумерки окутывают окрестности, из одинокого хурула на громадное расстояние разносятся эти печальные, дикие напевы. Чутко внимает им номад и, складывая у лба ладонь к ладони, творит земной поклон, слегка дотрагиваясь головою до своих бурханов. А сумерки все гуще и гуще... Уже ночь на востоке, уже яркие крупные звезды

высыпали на небо и теплятся в его лазуревом просторе, и все тише и печальнее разносится напев гелюнгов, пока вместе с последним отсветом давно отгоревшей на западе зари не замрет он, как замирает тихий звон струны.

Именно при такой обстановке хотелось мне слышать это богослужение. Только спустя неделю, когда с Бирючьей косы каспийского поморья я попал в калмыцкий монастырь – желание мое исполнилось.

Описание быта и нравов калмыков представлен в главе:

Калмыцкая примадонна. Пир у ламы. Импровизация и пляска. Эмчи знахари. Калмыцкая беднота

«...» В кибитке у ламы образовалось нечто вроде ассамблеи.

По углам расселись девушки в шелку и меховых шапках. Были очень приглядные. Особенно одна, несмотря на прорезанные вкось глаза и выдавшиеся скулы, отличалась такою дикою, оригинальною красотой, что мой спутник, видимо, опытный ценитель женского пола, преподнес ей золотое кольцо с каким-то камешком. Нисколько не жеманясь, фея Калмыцкого базара наклонила голову в знак благодарности и кинула на щедрого юношу весьма выразительный и понятный взгляд. Калмыцкая красавица была одета в шелковый терлик – род капота с стоячим воротником и длинными рукавами, поверх него плотно охватывал тонкий стан цегдык – безрукавка, полы которой были разрезаны спереди и сзади. Все это расшито позументами, на груди серебряные узорчатые пуговицы. Платье пригнано так, что вовсе не скрывает девственной свежести округленных и сильных форм этого красивого, на степном приволье сложившегося тела. Шелковые шаровары, голубого сафьяна ботинки с загнутыми вверх носками – все это обнаруживало в девушке большую щеголиху. Нога красивая, маленькая, такая же и рука.

– Неужели это простая калмычка? – Где! Это дочь купца богатого у них.

Шапка, опушенная лисьим мехом с серебряной пуговкой на верхушке, не скрывала целой массы черных волос. Вроде этого были одеты и остальные, не спускавшие с нас бойких взглядов.

Сам хозяин сидел неподвижно, как бурханы на его алтарике.

Две старухи приготовили нам местную водку; из медного котелка, замазанного глиной, была проведена трубочка в небольшой сосуд. В котелке кипятился кумыс – в сосуд перегонялась бесцветная как вода жидкость, сильно опьяняющая. На столике перед нами наставили всяких калмыцких яств; тут было и засушенное мясо – махан, и оладьи на бараньем сале – боорцук, и будан – похлебка из ржаной муки с салом; и мошко-омор и бууркум – пирожные.

Нужно отдать справедливость – все это очень скверно: и курдюком пахнет, и на зубах вязнет, хотя я добросовестно перепробовал все. Потом на Бирючьей косе, в монастыре у гелюнгов, меня угощали сладким рисом на бараньем сале – то несколько лучше. А остальная калмыцкая снедь далеко не привлекательна...

Оригинально было угощение чаем кирпичным, иначе – ця.

Чай варили, как и подобает, вместе с солью, молоком и салом. Подавали его в деревянных чашках. Он очень вкусен. Я выпил чашку, смотрю – прислуживавший калмык вытирает ее грязными пальцами, облизывает языком,

наливает вновь и с самым галантным видом калмыцкого Лепорелло преподносит мне. Я, разумеется, поблагодарил и отказался от столь любезного угощения...

Присматриваюсь – все очищается так же.

Тарелки и блюдцы – вытираются пальцами, пальцы, в свою очередь, – о грязные полы халатов. Непривычного стошнит от этой нечистоплотности!

– Не угодно ли бозо? (Бозо – кисловатый, освежающий сыр).

– Нет-нет, пожалуйста... Не нужно... мы сыты.

– А эйзге (сладкий сыр из овечьего молока)?

Наши промышленники, живущие около калмыков, очень любят бузу. Водки не достать, а буза опьяняет так же. Она и на вкус приятна. Зато как хорош был кумыс, холодный и кисловатый, в этот жаркий день астраханского пекла! Мы его выпили ужасающее количество, только – из своих стаканов.

Власть хотела показать товар лицом. Очевидно, все шло по заранее обдуманной программе. По мановению начальственных бровей все девушки собрались в кружок, в середину села уже замеченная нами красавица с длинной балалайкой в руках.

– Это что же? – Петь будут в честь «высоких посетителей», – острит кто-то. Началось меланхолическим перебором струн... Девушки сидели, опустив глаза, и сосредоточивались. Струны громче и громче...

Вдруг завывающий напев ворвался в их несколько дикий звон, это – запела одна из девушек... Немного погодя и другой резкий голос присоединился к ним... Погас первый – третья перехватила, и все так. Вместе хором не поют. По две, по три... Только струны балалайки не устают гудеть, оттеняя унылым звоном своим паузы...

Мотив делается задорнее и веселее, завывания певиц громче... ухо режет...

Встает красивая девушка с черными, точно бархатными глазами и начинает танцевать не сходя с места. Топчется под такт и только. Весьма некрасиво выходит, не смотря на то, что плясунья сложена изумительно. Выпуклая грудь, покатые плечи, талия стрекозы переходит в широкий разлив бедер, красивая нога с высоким подъемом дразнит взгляд... Тише и тише песня, медленнее топчется балерина Калмыцкого базара... наконец замерла совсем и села. Должно быть, хорошо плясала, потому что кругом слышны возгласы одобрения, а калмыки даже жмурились от восторга... Но вот напев опять разгорается ярче и ярче, завывания громче, и на сцену выскакивают два калмыцких Антиноя. Пляска мужчин несколько живее. Они подплясывают один вокруг другого, передвигаются и перевертываются на правой ноге, притоптывая левою, подергивают и поводят плечами. В разгаре пляски один из плясунов схватывается руками за шею товарища, прыгает на него, перекрестывает ноги вокруг его стана, а тот как ни в чем не бывало продолжает притоптывать, вытянув руки... Плясуны тоже вызывают громкое одобрение девушек, причем некоторые причмокивают губами...

– Как у них по обычаю, поют ли замужние? – И замужние, и девушки. По одному только и отличите: у замужних косы черных чохлах спрятаны, а у

девушек распущены. [Когда пение и пляска прекратились – посыпались опять деньги, причем прекрасный пол не выдерживал характера подобно гелюнгам, а подбирал бумажки и подхватывал их чуть не на лету. Потом весь сбор сдан был балалайщице, которая и поделила его между всеми поровну. Право на дележку заявили было плясуны мужчины, но их прогнали с насмешками. За подачкой было сунулись и мальчуганы в тибетейках и громадных бараньих шапках, которые составляли единственную их одежду. Но и их тоже проводили визгом и криком, причем наиболее отличалась красавица Ургаксан, описанная выше.

– Менду, менду, эмчи – менду! [Здравствуй, здравствуй лекарь!] – заболтали вдруг присутствовавшие, когда в ставку ламы вошел высокий и рыжий гелюнг, весь в красном.

– Это ихний Эскулап, Нелатон, Боткин! Светило калмыцкой медицины!

Оказывается, что в каждом хуруле есть один или несколько таких эмчи! Калмыки степные не обратятся к настоящему медику. А к эмчи, в одно и то же время знахарю и пастырю их душ, прибегают все больные. Эмчи при этом, в интересах гелюнгов вообще, грабят несчастных номадов ужасно. Мы уже говорили выше, что болезнь для калмыка разорение. Эмчи возьмет у него весь скот, все деньги, и в конце концов все-таки уморит его, даже не по всем правилам своей науки, потому что тибетская медицина им недоступна. Она изложена в книге Эмин-ноом в форме молитв, советов, рецептов, но редкий гелюнг разберет их, по незнанию языка. Теплая вода, сыворотка в громадных массах – вот медикаменты эмчи. При этом знахарь калмыцкий воспрещает всякую пищу. Лечение иногда для разнообразия видоизменяется бараньим салом из курдюка, непременно растопленным, коровьим маслом, которое недугующие должны выпивать большими чашками, и по несколько сразу. Самое лучшее лекарство крепкий бульон из баранины (шулюм). Эмчи покупают у персиян и армян какие-то лекарства – *секретные*, причем сулема играет не последнюю роль. Случается видеть калмыков, выдержавших лечение у гелюнгов, с меркуриальным воспалением рта. Сулемою же эмчи лечат и сибирскую язву. У эмчи, по рассказам, слышанным мною в Астрахани, есть средства от всего. И от дурного глаза, и от клеветы, и от наговору, и от «начальства» (у соловецких монахов имеется молитва от начальства). Эмчи умеют привораживать непреклонную красавицу, и отгораживать слишком увлекшегося калмыцкого Ромео. В их власти дать возможность калмыку-мужу исполнить супружеские обязанности, несмотря на его лета, иногда и очень преклонные; они же могут дать потомство любой Саре, хотя бы в кибитке у своего Авраама она прожила и девяносто лет. Те же самые эмчи посодействуют родителям, чтобы у них родился именно мальчик, а не девочка и т. д.

Впрочем, в последнее время в степи вера в эмчей начала несколько колебаться. Калмыки – народ очень способный; с развитием образования в их среде, суеверия рухнут очень быстро. Самое лучшее – кончающих астраханские школы и гимназии калмыцких мальчиков посылать на казенный счет учиться в Медико-хирургическую академию. Они, по выходе отсюда, окажут калмыцкому народу громадные услуги. Что калмыки народ очень восприимчивый на все

хорошее, доказывается особенно широким развитием оспопрививания; у них, благодаря этому именно обстоятельству, совершенно прекратился варварский обычай всякого заболевшего оспой бросать одного в степи без помощи и без сожаления. А прежде таких брошенных (цецик) находили умирающими или умершими очень часто.

Эмчи, или гелюнги-лекаря, лечут, разумеется, только состоятельных кочевников. Беднейшее же население калмыков, сосредоточенное в Мочагах, совершенно лишено их помощи. Поэтому оно уже невольно пользуется услугами русской больницы, которая отпускает им бесплатно лекарства и оказывает другие пособия.

По выходе из ставки главного гелюнга здешнего, я стал шататься по юртам. Тут-то, освободившись от церемониала торжества, уготованного нам властями, я наткнулся на настоящую бедноту. В одной кибитке целая семья оказалась чуть не голая. На хозяйне – одна рубаха, да и та рваная, жены в жалких лохмотьях, дети грязные, голодные. Лица истомленные, груди впалые – видимо, живется скверно. А между тем, как оказалось, – семья неутомимо работает. Она на время прикочевала к Калмыцкому базару, обыкновенно же промышляет на соляных озерах, куда вообще охотно берут калмыков.

– Тяжелая работа у них? – Самая черная, безотходная. Тут слабый человек пропадет совсем. Редкий выстоит. – В чем же дело?

– Да нужно разбить соляные пласты, промыть их в рапе [рапа – вода, остающаяся по осадке соли], потом сгребти соль в кучки, высохнет – насыпь ее в мешки да отвези на пристань. Это нужно видеть на деле, чтобы понять, какая масса труда требуется на подобную операцию. Ни одного русского не заманишь!.. Самая каторжная работа. Зачастую им приходится по пояс в соленой воде стоять. Соль разъедает тело, делаются трещины, ссадины. Весь как обожженный, а в свежие раны опять соль забивается. Мука! Да и на рыболовных ватагах калмыки тоже не в раю. Попробуй наш рабочий, в холодную, осеннюю, заморозную пору поработать по пояс в воде?.. Или в июльское пекло, не разгибая спины под солнцем, весь день повозиться. А калмык все выносит; и жалобы от него не услышишь. Без калмыка поэтому ни рыбопромышленнику, ни солевару никак не обойтись!

По рассказам бывалых людей оказалось, что калмыки мало-помалу приучаются к оседлой жизни. Им отводятся земли, на которых они строят деревянные и из глинобитного кирпича дома, а также земляные загоны для скота. Устроив в них свои стада на зиму, номад строит избы, если у него нет дома – землянку, которая оказывается дешевле войлочной кибитки. Но, разумеется, с весною, как только повеет теплом, кочевника не удержишь в четырех стенах. Он отправляется бродить по приволью зеленых степей, забывая до глубокой осени свою оседлость. Хижины и землянки, которые я замечал с палубы парохода на берегах Волги и среди ее разлива, оказываются именно такими калмыцкими зимняками.

Меня уже в Калмыцком базаре поражал нерусский тип местных казаков, а потом в Астрахани и по Волге я и сплошь встречал между ними носящих русские

имена и фамилии, но обличьем настоящих калмыков. Те же скуластые, косоглазые, широкие физиономии, тот же сильный склад тела. Загадка разъясняется очень просто. Многие калмычки, принимая христианство, выходят замуж за русских, преимущественно за казаков; но случаев, чтобы русские девушки выходили за калмыков, здесь не знают. Это обстоятельство, между прочим, служит одною из причин несоответственно малого количества калмычек по отношению к калмыкам. Главными причинами, разумеется, являются смертность при родах (с родильницами калмыки обращаются варварски), истощение от работ, потому что у простолюдина-калмыка женщина работает не только не меньше, но и гораздо больше своего мужа.

Единоборство Гектора и Ахиллеса

Только что я было нацелился на кибитку еще беднее и хотел забраться туда, как смотрю – за мной бежит один из наших гребцов.

– Идите скорее, зовут вас.

– Чуть не прозевали вы самого главного из церемониала торжества, – встретили меня.

– Что такое?

– Единоборство. Калмыцкий Ахилл готовится сразиться с здешним Гектором.

– Где они?

– Да ведь, по местному обычаю, не борцы выбирают друг друга. Их просто мир, громада указывает поодиночке. Сначала выберут одного и уведут его в кибитку, потом другого – в другую кибитку. Выводят их на арену закрытыми. Так что противник противника узнает только когда сбросят с них покрывала.

– Ведут, ведут!.. – загудела толпа.

Калмыки стали стеною кругом. В центре пока оказывались мы. Но вот стена прорвалась с двух противоположных сторон и распорядители ввели в свободное пространство двух голых борцов, которым на голову были наброшены их собственные кафтаны. Глаза и лицо сплошь были закрыты ими. Единственно, что было оставлено на боксерах – перевязка вокруг бедер. Сильное тело – на сильных ногах. Это не мощь неуклюжего английского боксера. Напротив, вы с изумлением видите линии, которым могли бы позавидовать академические натурщики. Тут не одна сила, но и красота. Все строго соразмерно. Каждый мускул очерчивается рельефно на смуглом теле. Высокая грудь, тонкий стан, крепкие бедра и художественные выпуклости икр обрисовывали каждую из этих двух фигур. Дав нам вволю наглядеться на них, распорядители моментально, в одно и то же время, сдернули покрывала, и борцы взглянули в глаза друг другу.

Ахиллес и Гектор схватились с приемами, которые сделали бы честь любому римскому гладиатору. Долго казалось, что они просто стоят, охватив друг друга. Только напряжение жил и еще более резкие очертания мускулов – обнаруживали страшные усилия противников. Но вот один чуть подался и тотчас же еще крепче стал; пошатнулся другой... Жилы все пухнут и пухнут, мускулы все делаются выпуклее... Откуда ни смотри – красота постановки тела изумительная. Позы чисто академические. Вот они перешли в более оживленную

борьбу, стараются подловить друг друга на чем-нибудь – но позировка остается столь же изящной. Даже грубая сила является здесь искусством. Эллинские юноши едва ли красивее боролись на олимпийских играх. Распорядители и вся толпа следят за ними. Покрывала в руках... Чуть один готов упасть, на головы обоим моментально набрасывают кафтаны, толпа кидается и борцов уводят, не дав кому-либо одержать решительную победу, чтобы честное единоборство не обратилось в драку и не вызвало вражды. Это прекрасный обычай. Тут действительно искусство на переднем плане, а не зуботычины с сокрушением челюстей. Никакие удары – не допускаются.

Борцов закутанными после борьбы держали несколько минут, пока волнение не улеглось и чувство некоторой досады у побежденного не прошло. Тотчас же после того они встретились друзьями и подали друг другу руки.

Бросили им денег.

Оба присели на корточки, собрали деньги в одну кучку и стали делить по-братски, поровну... После них кинулись в борьбу (тоже сначала закутанные) несколько мальчишек. Одушевленные примером известных борцов, они старались подражать им во всем. Сохраняли ту же красоту поз, те же изящные приемы борьбы. Их также разнимали, накидывая на голову плащи и разводя в разные стороны. Калмычки, глядя на голых взрослых борцов, нисколько не конфузились. Напротив – на лицах живейшее участие, восклицания так и сыплются, глаза горят; девушки рассуждают о борцах, ободряют их. Вся эта картина так и просилась под карандаш. Полагаю, что наши художники нашли б здесь гораздо лучших натурщиков, чем между петербургскими банщиками, играющими в их студиях роли Антиноев, Нарциссов, Ахиллов и Аполлонов. Тут – действительно Аполлон, хотя и почти оливкового цвета. По крайней мере, мне до сих пор мерещутся они.

– Что ж, церемониал кончен?

– Нет еще...

– Остается одно представление. Перед нами разберут кибитку, навьючат ее на верблюда – и семья перекочует на другое место.

Самая богатая кибитка была назначена для этого.

Обладательницею кибитки оказалась та самая калмыцкая Аспазия, которой один из наших спутников презентовал кольцо.

Сначала сняли с кибитки мани, род шелкового флага, на котором вышита молитва, потом быстро сбросили кошмы, развязали и свили в одну связку хошлун – тесьму, охватывающую остов кибитки, и моментально разобрали терме – раздвижные решетки, из которых состоит этот остов, сбросив предварительно цыграк – жерди поверх терме, образующие купол кибитки. В это время издали послышался пронзительно жалобный крик, и на сцену явилось новое действующее лицо – верблюд. Веревка попросту была продернута у него через нос и залита кровью. Кровь и теперь продолжала идти из свежей раны, тем более что ее постоянно бередили, продергивая веревку. Еще быстрее, чем сняли различные принадлежности кибитки, их навьючили на «корабль пустыни», не перестававший жаловаться отчаянными криками и печально протягивавший к нам свою голову. На решетках, в виде платформы уложенных поверх кошм,

помещалось остальное имущество калмыцкой семьи. Тут поочередно приютились юйден – дверная завеса, ший – камышовая гибкая плетенка, развешиваемая вдоль терме; шердыки – белые кошмы, играющие роль постели, подушек, седел. Сюда же набросали и орни-кушге, т.е. пологи, и юмнарчи – занавески и всю прочую рухлядь калмыцкого обихода. В общем, все оказалось плотно прилаженным, красиво уложенным. Вся операция заняла не более десяти минут. Наконец калмыцкая Аспазия быстро и легко взобралась на верблюда. Несчастное животное заставили встать, дернув несколько раз за веревку, причем оно опять оглушило нас рыдающими криками. Перейдя сажень сто – корабль пустыни остановился, его разгрузили, а через пять минут кибитка уже стояла на новом месте...

На берегу нас ждала толпа местных бедных, которым посетители обыкновенно оставляют что-нибудь.

Боже, какие это были лица! Нищета и голод глубоко врезались в них. Каждая косточка торчала внаружу, хоть изучай остеологию по этим живым скелетам. И все то – сгорбленные, скрюченные, едва-едва двигавшиеся фигуры. Преимущественно это были женщины-старухи... Рука сама опускалась в карман за подаванием. Повторяю, ничего ужаснее мы не видели. Сквозь и без того темный цвета кожи, проступали какие-то гниlostные пятна, под глазами подтеки, вместо румянца – синева.

Несколько ударов весел, и Калмыцкий базар остался позади...

На другой день утром нужно было перебраться на баржу «Арагва».

Пора в Каспий, а то засиделся в этой инородческой Астрахани...

Немирович-Данченко был честным и наблюдательным свидетелем своего времени. Перечитывая, а точнее заново прочитывая сегодня его произведения, видишь отсутствие авторской великодержавной заносчивости в стремлении понять другие народы, доброжелательное отношение к чужой религиозной и национальной культуре. Он оставил нам творчество и судьбу, которые, как творчество и судьба многих других художников вызывают к взвешенному и просвещенному, «памятливому» взгляду на свою историю.

Предлагаемый материал взят из открытых электронных ресурсов

Немирович – Данченко, В. И. По Волге (очерки и впечатления летней поездки) / В. И. Немирович – Данченко. – Текст: электронный. – URL: <https://rus-turk.livejournal.com/206234.html> – (дата обращения: 18. 08. 2020) – Текст воспроизведен по изданию: Немирович-Данченко, В. И.. По Волге: (Очерки и впечатления летней поездки) / [Соч.] В. И. Немировича-Данченко. - Санкт-Петербург: Изд. Книгопродавца И.Л. Тузова, 1877. – 403 с.